

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 930(47)“18/20”+745

DOI 10.26456/vthistory/2026.3.137

Концепт «традиционного» в изучении ремесленных практик: эволюция подходов в отечественной этнографии и народоведении (XIX – начало XXI в.)¹

Е.Н. Забелина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена эволюции представлений о «традиционном» применительно к ремесленным практикам в отечественной этнографии и народоведении. На материале дореволюционных, советских и постсоветских исследований прослеживается изменение исследовательской оптики: от фиксации кустарных промыслов как экономического явления через концепцию «пережитков» и системного анализа культурной адаптации к осмыслению традиции как механизма психологической и социальной устойчивости. Анализируются подходы народоописателей XVIII в., исследователей земской статистики, советских этнографов, а также современные дискуссии о ревитализации культурного наследия. Особое внимание уделено тому, как менялись критерии идентификации традиции (технологические, социальные, гендерные) в зависимости от социально-исторического контекста.

Ключевые слова: традиция, ремесленные практики, кустарные промыслы, народные художественные промыслы, историография, этнография, трансмиссия, антропология ремесла.

Вопрос о том, что именно в ремесленных практиках исследователи народной культуры считали «традиционным», имеет длительную и сложную историю. На протяжении XIX–XXI вв. менялись не только методы изучения ремесла, но и сам угол зрения: промысел могли рассматривать как экономический феномен (источник дохода крестьянства), как эстетический объект («народное искусство»), как социальный институт (механизм передачи навыков) или как маркер этнической идентичности. Соответственно, и «традиционное» в ремесле понималось по-разному: как технологическая преемственность, как художественный канон, как социальная организация труда, как сложившееся гендерное распределение ролей или как способ адаптации этнической группы к меняющимся условиям.

¹ Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета. А.В. Белова

Цель статьи – проследить эволюцию представлений о «традиционном» в ремесленных практиках в отечественной науке: от первых народоописаний и статистических обследований кустарной промышленности через советские концепции «пережитков» и системного изучения традиции к современным подходам, рассматривающим ремесленную традицию как динамический механизм культурного воспроизводства и ресурс устойчивости. Анализ строится вокруг ключевых исследовательских вопросов: как определялась граница между «традиционным» и «нетрадиционным» в ремесле? По каким критериям исследователи отличали подлинную народную традицию от поздних наслоений или коммерческих подделок? Как менялся статус носителя традиции – от «анонимного кустаря» до «хранителя нематериального наследия»?

Методологическую основу составляет историко-библиографический подход, предполагающий выявление логики смены исследовательских парадигм в их связи с социально-историческими контекстами. Особое внимание уделяется интеграции антропологических и психологических подходов, позволяющих раскрыть экзистенциальное измерение ремесленной традиции в кризисные эпохи.

«Ремесло» и «промысел» в народоописаниях и статистике XIX в.: первая фиксация традиции. Первые систематические описания ремесленных занятий в России были связаны с задачами народоописания и государственной статистики. Первые научные народоописания связаны с исследованиями Сибири в первой половине XVIII в. Материалы экспедиции Мессершмидта (1719–1727) и Великой Северной экспедиции (1733–1743) предоставили сведения о районах расселения, быте, нравах, обычаях, религии и занятиях сибирских народов². Занятия ремеслом не выделяются как отдельная категория, однако упоминаются как сложившийся род деятельности наряду с войной, охотой, религиозными верованиями. Однако уже спустя полвека описания становятся более глубокими: так, Георги в своем «Описании...» говорит о территориальном разделении по сферам занятий и внутрисемейной передаче знаний среди мастеров. Он же рассматривает занятия женщин, отмечая сходство их занятости с европейками, но отмечает, что они «больше всех других европейских поселянок упражнены, можно сказать, до излишества, ибо, сверх работ своих, во весь почти год отправляют по дому и в поле те же работы, что и мужчины, выключая немногих»³.

² Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) / Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовина. Магадан, 1983.

³ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житийских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1–4 / изданием книгопродавца Ивана Глазунова. Санкт-Петербург, 1799. С. 170–172.

Можно отметить, что в этот период понятие «традиция» применительно к ремеслу ещё не артикулировалось как самостоятельная исследовательская категория, однако формировались ключевые определения, которые впоследствии легли в основу этнографического изучения промыслов.

Так, В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» зафиксировал разграничение между «ремеслом» и «промыслом», которое долгое время определяло исследовательскую оптику⁴. Ремесло, согласно Далю, представляло собой «рукодельное мастерство, ручной труд, работа и умение, коим добывают хлеб», «самое занятие, коим человек живет, промысел его, требующий более телесного, чем умственного труда». Промысел же трактовался как «ручной труд, то есть ремесленное производство изделий как способ добычи, умение и средство для жизни, заработков». В народной этимологии эти понятия не противопоставлялись, а дополняли друг друга: «по ремеслу и промысел, у ремесла не без промысла»⁵.

Для исследователей второй половины XIX в., работавших в рамках земской статистики и кустарных обследований (А. Корсак, Н. Цытович, Е.И. Андреев), ремесленные практики представляли, прежде всего, как экономический феномен, форма крестьянской занятости. Традиционность здесь понималась в основном как устойчивость форм производства, передаваемых в рамках семьи или локального сообщества. Критериями «традиционного» выступали: наследственный характер занятия, технологическая преемственность, привязанность к определённой местности (местные обстоятельства или обычаи⁶) и сезонность труда. Материалы о сельских рукоделиях, собранные Императорским Вольным экономическим обществом и Русским географическим обществом, включали данные не только о местных особенностях занятий: когда они происходят, видах и названиях употребляемых орудий⁷, – но и способе организации труда: иерархии и управлении («нравственном, исстари ведущемся в сельских обществах, влиянии одного или нескольких лиц»⁸), числе занятых, их поле и возрасте, способе производства, инструментах, заработке и угрозах для здоровья⁹.

Уже исследования этого периода начинают формировать первые «тревожные» нарративы: исследователи фиксируют упадок целого ряда промыслов под влиянием фабричного производства и изменения вкусов. Традиционное ремесло начинает восприниматься как исчезающее явление, что актуализирует задачу его фиксации и, в перспективе, сохранения. Как отмечает

⁴ Голованова Е.И. Человек и его дело в русском языке XIX века (по данным толкового словаря В.И. Даля) // Челябинский гуманитарий. 2018. № 3 (44). С. 7–12.

⁵ Григорьева Е.И. Возрождение народной художественной культуры миф или реальность? // МНКО. 2009. № 2. С. 108.

⁶ Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России соч. М., 1861. С. 8–14.

⁷ Воронежские губернские ведомости. 1853. № 40 (3 окт.). С. 235–238.

⁸ Там же. 1853. № 41 (10 окт.). С. 244–246.

⁹ Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1853. Т. 4. № 12. С. 56–58.

современный исследователь А.В. Христенко, в дореволюционной России кустарные промыслы становятся объектом модернизационных проектов, а их изучение – частью более широкой дискуссии о путях развития национальной экономики и культуры¹⁰.

В конце XIX в. появляется понятие «художественные промыслы», которое начинает отделяться от более широкой категории «кустарных». Это размежевание было связано с тем, что исследователи и художники (В.В. Стасов, деятели Абрамцевского кружка) начинают видеть в некоторых кустарных изделиях не только утилитарную, но и эстетическую ценность¹¹. Традиционное в ремесле начинает осмысляться не только как технологическая преемственность, но и как художественный канон, как особый «народный стиль», противопоставленный безликой фабричной продукции. Корни народных промыслов усматриваются в крестьянском быту, монастырских мастерских и дворянской усадебной культуре.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что на данном этапе определение «традиционное» в отношении ремесла было синонимом «обычного» и «привычного». Специальной рефлексии над тем, как именно передаются ремесленные знания и что обеспечивает их устойчивость, не велось. Ремесло оставалось, скорее, частью экономического и бытового описания, нежели объектом культурологического или этнографического анализа.

Советская этнография: от «пережитка» к системному анализу адаптации. Ранний советский период характеризуется двойственным отношением к «традиционному» в ремесле. С одной стороны, М.А. Некрасова отмечает, что с первых лет существования Советского государства был предпринят ряд охранительных мер по отношению к народным промыслам. В частности, в программе РКП(б) уже в 1919 г. предусматривалась действенная помощь кустарям: снабжение сырьём, материалами, денежными кредитами и государственными заказами. Также 1919 г. ВЦИК принял постановление «О мерах содействия кустарной промышленности». Кустарные предприятия объявлялись неприкосновенными и не подлежали конфискации и национализации без особого постановления ВСНХ. Разрешалась свободная торговля кустарными изделиями¹². С другой стороны, в рамках марксистской парадигмы кустарные промыслы рассматривались как «пережитки» доиндустриальных отношений, которые должны быть либо преобразованы в социалистические формы кооперации, либо вытеснены крупной промышленностью. Задачей Института по изучению народов СССР (1930) было «всестороннее выяснение пережиточных явлений, тормозящих переход от

¹⁰ Христенко А.В. Антропология кустарного производства в свете музейно-выставочной практики дореволюционной России // Живая старина. 2019. № 3. С. 40–43.

¹¹ Никифорова В.И. Творческие стратегии и кустарные практики в инициативах Абрамцевского кружка: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2025.

¹² Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры Теория и практика. М., 1983.

старых форм быта к новым»¹³. Традиционное в ремесле в этот период несёт негативную коннотацию: оно ассоциируется с отсталостью, патриархальностью, экономической неэффективностью¹⁴.

Однако исследователи, работавшие в 1920–1930-е гг., всё же фиксировали, что именно «традиционные» формы организации женского труда (артели, семейные мастерские) сохраняли промыслы в условиях экономического кризиса. Описывая крестьянский быт, ремесло и промыслы, они соотносили «традиционные» формы организации труда с образом «прогрессивной народной культуры» – особенно, если они были связаны с трудовой дисциплиной, коллективизмом и участием в кооперации. Так, отмечалась потенциально положительная роль женщин-кружевниц, поскольку «сплошь и рядом исключительно от женщины зависит, куда сбыть продукт своего хозяйства, и где приобрести необходимые для семьи и хозяйства товары. Кроме того, нельзя забывать, что женщина является создателем новых ценностей и имеет свой особый от хозяйства бюджет, которым она всегда распоряжается по своему усмотрению. И ясно, что женщина, понимающая и сочувствующая движению, всегда в состоянии активно усилить его и наоборот»¹⁵.

К 1950-м гг. ситуация начинает меняться. С.А. Токарев, один из ведущих советских этнографов, в качестве одной из основных задач этнографии выделяет изучение национально-бытовых особенностей разных народов, поскольку «эти особенности, сохранившиеся от прошлого, играют иногда крупную (положительную или отрицательную) роль в современной жизни»¹⁶. В этой формулировке уже появляется допуск того, что традиционные элементы, включая ремесленные, могут играть не только негативную, но и позитивную роль. Традиционное в ремесле начинает оцениваться не только как «пережиток», подлежащий преодолению, но и как потенциальный культурный ресурс.

1960–1980-е гг. стали периодом концептуализации традиции как системного механизма воспроизводства культуры. Ю.В. Бромлей в теории этноса связывает трансформацию традиций с этнокультурными процессами, такими как миграция, ассимиляция, изменение образа жизни. Определяя этнос как «исторически сложившуюся общность людей, обладающую общими относительно стабильными особенностями культуры... а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований»¹⁷, он включает тра-

¹³ Москвина Д.А. Прикладная наука в институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 75–87.

¹⁴ Воронов В.С. Крестьянское искусство М., 1924.

¹⁵ Смекалов В. Вологодская женщина и кооперация // Кооперация Севера, 1923. № 2–3. С. 23–25.

¹⁶ Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

¹⁷ Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.

диционные формы труда (сюда мы можем отнести ремесла) в систему этнических маркеров. В свою очередь, различение этнодифференцирующих и этнопреобразующих признаков культуры¹⁸ позволяет видеть в ремесле не только технологию, но и символ принадлежности. Позже представление о нерасчленённости утилитарного и символически-ритуального аспектов ремесла будет развиваться в работах Т.А. Бернштам о семиотике рукоделия¹⁹ и Д.Э. Харитоновича о социокультурном образе ремесленника²⁰.

Особое теоретическое осмысление традиции предложил Э.С. Маркарян, который ввёл понятие «традициологии» как отдельной дисциплины. Согласно Маркаryanу, традиция – это «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путём пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»²¹. Применительно к ремесленным практикам это означало, что традиционное понимается как стереотипизированный групповой опыт, передаваемый через поколения. Маркарян подчеркивал связь традиции с теорией адаптации: по его мнению, этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, обеспечивающие приспособление народов к условиям природной и социальной среды²².

Параллельно с теоретическими дискуссиями в этнографии, проблема критериев подлинности практически решалась в искусствоведении и музейной практике: возникла задача различения «подлинного» народного искусства от поздних наслоений и фабричных имитаций.

В 1920-е гг. это декларировалось через противопоставление «крестьянского искусства» городской и фабричной продукции²³. Далее промыслы рассматривались в общем корпусе декоративно-прикладного искусства. М.А. Некрасова выделяет в качестве основной проблемы невозможность полноценно разделить промыслы, как вид искусства коллективно-традиционного, и декоративно-прикладное искусство, как вид творчества индивидуально-художественного, с одной стороны, и художественно-промышленного – с другой²⁴. Это привело к встраиванию промыслов в систему местной промышленности. Критерий соответствия традиции был институциона-

¹⁸ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1987.

¹⁹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры // АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Л., 1988.

²⁰ Харитонович Д.Э. Ремесло и искусство (Социокультурный образ средневекового ремесленника) // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994.

²¹ Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80.

²² Лурье С.В. Традициология Э.С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // Культура и образование. 2015. № 4 (19). С. 5–12.

²³ Некрасов А.И. Русское народное искусство. М., 1924.

²⁴ Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры Теория и практика. М., 1983.

лизирован: соответствие изделий традиционному стилю и технологии оценивали художественно-экспертные советы предприятий народных художественных промыслов²⁵. Таким образом, границу между «традиционным» и «нетрадиционным» проводил не только исследователь, но и институт, что оставляло открытым вопрос о том, кто вправе судить об аутентичности.

И.Я. Богуславская выделяет в качестве важнейших условий формирования и развития самобытных художественных традиций народного промысла природно-географический фактор и местные культурные традиции, включая «сложившуюся за всю историю промысла систему материально-технических и образно-выразительных средств – своего рода «канон» – свод неписаных правил местного искусства»²⁶, то, что М. Полани описывает как «неявное знание»²⁷.

Л.С. Лаврентьева, обобщая дискуссии начала 1990-х гг., констатирует, что советская школа рассматривала традиции и инновации диалектически, но на практике традиция мыслилась, в первую очередь, скорее как «устойчивые компоненты» культуры²⁸.

Особое место занимают работы Т.А. Бернштам, которая одной из первых систематически исследовала гендерный аспект. В работе «Хитро-мудро рукодельнице» она показала, что рукоделие было не просто хозяйственным занятием, но институтом социализации, маркером возрастных переходов и социального статуса, одновременно экономической, социальной и символической системой²⁹.

Таким образом, можно отметить, что в советский период произошёл переход от понимания традиционного как «пережитка» к осмыслению его как системного механизма культурной адаптации.

Традиция как ресурс идентичности, ревитализация и конструирование ремесленного наследия. На рубеже XX–XXI вв. в работах Института этнологии и антропологии РАН традиция и культурное наследие репрезентируются не как статичные «остатки» и не только как системные адаптации, но и как символический ресурс, мобилизуемый сообществами для конструирования идентичности и консолидации. В рамках программы фундаментальных исследований «Традиции и инновации в истории и культуре» (отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков) был зафиксирован тезис о проницаемости границы

²⁵ К проблеме изучения и развития народных художественных промыслов: история и современность. Обзорное исследование // Наука. Искусство. Народные художественные промыслы. 2017. С. 13–24.

²⁶ Творческие проблемы современных народных художественных промыслов / Сост. и науч. ред. И.Я. Богуславская. Л., 1981. С. 16–43.

²⁷ Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985. С. 103.

²⁸ Лаврентьева Л.С. Подходы к изучению традиций в современной этнографии // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб., 2012. С. 330–340.

²⁹ Бернштам Т.А. «Хитро-мудро рукодельнице» // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: Сб. МАЭ. Т. 47 / Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 1999. С. 191–249.

между этими категориями: «сегодняшняя традиция когда-то была инновацией, а сегодняшняя инновация завтра станет традицией»³⁰.

В работах последнего десятилетия В.А. Тишков последовательно включает «изучение и сохранение историко-культурного наследия» в число важнейших условий формирования российской идентичности³¹. При этом наследие не исчерпывается памятниками: оно включает ремесла и промыслы, фольклор и духовную культуру, т. е. практики, которые соединяют исторический опыт с современностью и работают как узнаваемые символы принадлежности³². Применительно к исследованиям ремесла отметим, что традиция в ремесле может рассматриваться не только как способ хозяйственного выживания, но и как инструмент заявления сообщества о своем праве на существование, особенно в ситуациях исторических разрывов, когда обращение к промыслу выполняет мобилизационную функцию.

Параллельно в постсоветской историографии разворачивается процесс ревитализации ремесленного наследия. Исследователи отмечают, что для самих носителей промыслов был прежде всего практикой выживания, а не осознанным «сохранением наследия», поэтому внутрисемейная трансляция давала сбои при изменении экономических условий ещё в досоветский период: отец, не видя перспектив, мог не приобщать сыновей к ремеслу³³; молодые женщины, предпочитая отхожие заработки, утрачивали возможность освоения навыков домашнего рукоделия³⁴. Сдержать обесценивание ручного труда могло лишь вмешательство извне: возведение изделий кустарей в статус национального достояния.

Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ создал новую правовую рамку, закрепив категории «носителей» и «хранителей» нематериального этнокультурного достояния: традиционным признается то, что зафиксировано в реестрах и признано сообществом и государством как наследие.

При этом потребность найти «глубокую» традицию может привести к ее конструированию. Как показывает в своем исследовании истории профессионального образования в сфере традиционного прикладного искусства С.А. Тихомиров, мы можем проследить историю становления «регулярного» городского ремесла, толчком к развитию которого в начале XVIII в. стали петровские преобразования и изменения в укладе и образе жизни при-

³⁰ Традиции и инновации в истории и культуре / отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М., 2015.

³¹ Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.

³² Культурное наследие: исторический опыт и современные интерпретации (к итогам Года культурного наследия народов России) / отв. ред. В.А. Тишков. М., 2023.

³³ Егорова М.Г. Преемственность и семейные традиции в становлении и развитии кустарных крестьянских промыслов Центрального региона России в конце XIX – начале XX веков: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005.

³⁴ Мухина. 3.3. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб: Дмитрий Буланин, 2018.

вилегированных сословий, потребовавшие изготовления принципиально новых ремесленных изделий³⁵. При этом ряд применяемых технологий был новым, частично заимствованным из европейской практики, однако со временем эти навыки и приемы ушли вместе с мастерами из крестьянской среды, отходниками и фабричными рабочими в народную толщу и постепенно стали восприниматься как неотъемлемая часть народной ремесленной культуры. История их зарождения передавалась по каналам коммуникативной памяти, т. е. устных воспоминаний трех-четырёх поколений мастеров, выстраиваясь вокруг фигуры родоначальника промысла. Этот феномен, когда исследовательская и общественная потребность найти «глубокую», исконную традицию конструирует её даже при отсутствии документальных подтверждений и вопреки относительно позднему, часто городскому или заимствованному происхождению промысла, также стал предметом рефлексии в современной науке.

Традиция как ресурс устойчивости: от адаптации к копинг-стратегиям. Важным этапом в переосмыслении понятия традиции представляется переход от понимания ее как механизма социальной адаптации этноса к осознанию ее роли как индивидуального и коллективного ресурса совладания в трудных жизненных ситуациях. Если в советской традициологии адаптация рассматривалась системно, то исследования конца XX – начала XXI в., находящиеся на стыке антропологии, истории повседневности и психологии, акцентируют внимание на копинг-функции традиционных практик.

Применительно к женским кустарным промыслам это означает следующее: сохранение ремесла в кризисные периоды (депортация, война, экономический коллапс) обеспечивалось не только институциональной поддержкой, но и тем, что сама практика выступала способом совладания с травмирующей реальностью. Ремесло может выступать структурирующим фактором: в условиях хаоса и утраты социального статуса повторяющиеся алгоритмизированные действия создают островок предсказуемости и контроля,

³⁵ Тихомиров С.А. Профессиональное образование в сфере традиционного прикладного искусства: доминанты развития (от средневековья до последней трети XIX века) // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. № 3 (29). С. 15–32.

снижая уровень тревоги³⁶. Исследователи отмечают, что совместное рукоделие выполняет функцию терапевтического сообщества³⁷, поддерживая межпоколенческие связи³⁸. Зарубежные исследования подтверждают, что традиционные ремесленные практики усиливают межпоколенческую сплоченность и способствуют укреплению культурной идентичности³⁹, а также снижают уровень стресса⁴⁰. Также это может стать способом конструирования смысла: через воспроизводство техник носительницы утверждали непрерывность своего существования вопреки внешним обстоятельствам, направленным на разрыв этой непрерывности⁴¹.

Этот подход позволяет уточнить понимание функций традиции. Сохранение ремесла приобретает экзистенциальное измерение: традиция сохраняется потому, что она помогает выжить психологически и социально. Именно этот аспект объясняет живучесть женских промыслов даже при отсутствии внешних институциональных опор или рыночного спроса.

Феноменология традиции С.Б. Адоньевой и механизмы нормирования. Развитием этого направления стала концепция С.Б. Адоньевой и её школы. В статье «Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии» (2019) фиксируется переход к пониманию традиции как способа бытования культуры в настоящем⁴². Ключевым инструментом становится триада «традиция – трансгрессия – компромисс».

В отличие от предшествующих моделей, где традиция и инновация противопоставлялись, в данной рамке они неразрывны. Традиция рассматривается как актуальная нормативная рамка, то, что сообщество признает правильным здесь и сейчас. Трансгрессия представляет собой любое отклонение от нормы (индивидуальное, вынужденное, внешнее). Важно уточнить, что трансгрессия не обязательно является сознательным нарушением, в условиях исторических разрывов она становится неизбежной адаптацией.

³⁶ Ситдикова Л.И. Народные художественные промыслы как вид арт-терапии на примере традиционного ныртинского кружевоплетения Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4. С. 95–101.

³⁷ Лесовская М.И. Традиции ремесла в современном профессиональном обучении и стресс-менеджменте // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 278–291.

³⁸ Балабанова Т.Г. Роль творческих объединений в возобновлении интереса к рукоделию в конце XX – начале XXI века в Иркутской области // Вестник ИрГТУ. 2013. № 5 (76). С. 230–235.

³⁹ Sydora B.C., Listener L., Kung J.Y., Ross S., Voyageur C. Traditional crafting as a catalyst for Indigenous women's intergenerational cohesion and wellness: a Canadian perspective // International Journal of Circumpolar Health. 2023. Vol. 82(1).

⁴⁰ Collier A. The Well-Being of Women Who Create With Textiles: Implications for Art Therapy // Art Therapy. 2011. Vol. 28. P. 104–112.

⁴¹ Акчурина-Муфтиева Н.М. Преемственность традиций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. № 2. С. 39–47.

⁴² Адоньева С.Б. Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 159–172.

Компромисс является механизмом, посредством которого сообщество «переваривает» отклонение: часть отвергается, часть легитимируется и становится новой нормой.

Интеграция копинг-подхода в эту триаду позволяет ответить на вопрос, почему те или иные трансгрессии принимаются. Компромисс в ремесленной практике часто оказывается стратегией выживания: норма сохраняется или видоизменяется именно в той мере, в какой она продолжает выполнять защитную функцию. Трансгрессия (использование нетипичных материалов в депортации, новые формы изделий в постсоветский период) легитимируется сообществом тогда, когда она позволяет традиции оставаться работающим инструментом устойчивости.

В монографии «Первичные знаки / назначенная реальность» подчеркивается, что культурные формы не передаются механически, а каждый раз заново «назначаются» конкретными людьми⁴³. Таким образом, носитель или носительница традиции являются активными агентами нормирования, которые вправе принимать решения, исходя из потребностей выживания. Это представляется особенно наглядно в отношении женских промыслов: трансгрессия часто связана с изменением социальных ролей женщины, а компромисс фиксируется в новых форматах обучения и самоидентификации. Исследователь фокусируется на повседневных практиках трансмиссии – на том, как конкретные женщины в конкретных обстоятельствах балансируют между семейной традицией и государственным заказом, между каноном и необходимостью заработка.

Таким образом, возвращаясь к поставленным вопросам, можно констатировать следующее. Граница между «традиционным» и «нетрадиционным» в ремесле проводилась каждый раз разными средствами: в XIX в. это происходило через критерии наследственности, местности и технологической преемственности и через оппозицию фабричному производству; в советский период – через критерии классовой полезности, а затем соответствия канону, зафиксированному экспертными институтами; в постсоветский – через правовую процедуру реестров и через нормативную работу самого сообщества. Критерии выделения «подлинного» эволюционировали от интуитивной оппозиции «народное/фабричное» через институциональную экспертизу к рефлексивному пониманию того, что сам поиск аутентичности конструирует свой объект. Наконец, статус носителя трансформировался из анонимного кустаря статистических таблиц через коллективного субъекта артели и титулованного мастера промыслов к «хранителю нематериального наследия», активному агенту нормирования, принимающему решения о границах традиции.

Смена исследовательских парадигм отражала более широкие социально-исторические контексты: от имперской модернизации через совет-

⁴³ Адоньева С.Б., Веселова И.С., Мариничева Ю.Ю., Петрова (Матвиевская) Л.Ф. Первичные знаки / назначенная реальность. СПб., 2017.

ские трансформации к постсоветскому поиску национальных идентичностей. Представленный историографический обзор служит теоретической основой для анализа конкретных стратегий сохранения и передачи традиции в женских кустарных промыслах: торжокском золотном шитье и крымскотатарской золотной вышивке. Понимание того, как менялось восприятие «традиционного» в ремесле, позволяет более глубоко осмыслить те механизмы, с помощью которых носительницы этих ремесел сохраняли и передавали свои навыки в условиях исторических вызовов XX – начала XXI в., используя традицию не как застывшую форму, а как живой ресурс совладания с реальностью.

Список литературы:

1. Адоньева С.Б. Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 159–172.
2. Акчурина-Муфтиева Н.М. Преемственность традиций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. № 2. С. 39–47.
3. Балабанова Т.Г. Роль творческих объединений в возобновлении интереса к рукоделию в конце XX – начале XXI века в Иркутской области // Вестник ИрГТУ. 2013. № 5 (76). С. 230–235.
4. Бернштам Т.А. «Хитро-мудро рукодельице» // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: Сб. МАЭ. Т. 47 / Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 1999. С. 191–249.
5. Голованова Е.И. Человек и его дело в русском языке XIX века (по данным толкового словаря В.И. Даля) // Челябинский гуманитарий. 2018. № 3 (44). С. 7–12.
6. Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России соч. М., 1861. С. 8–14.
7. Лаврентьева Л.С. Подходы к изучению традиций в современной этнографии // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 330–340.
8. Лесовская М.И. Традиции ремесла в современном профессиональном обучении и стресс-менеджменте // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 278–291.
9. Лурье С.В. Традициология Э.С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // Культура и образование. 2015. № 4 (19). С. 5–12.
10. Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2.
11. Москвина Д.А. Прикладная наука в институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 75–87.
12. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985.
13. Ситдикова Л.И. Народные художественные промыслы как вид арт-терапии на примере традиционного ныртинского кружевоплетения Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4. С. 95–101.

14. Тихомиров С.А. Профессиональное образование в сфере традиционного прикладного искусства: доминанты развития (от средневековья до последней трети XIX века) // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. № 3 (29). С. 15–32.
15. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.
16. Христенко А.В. Антропология кустарного производства в свете музейно-выставочной практики дореволюционной России // Живая старина. 2019. № 3. С. 40–43.
17. Collier A. The Well-Being of Women Who Create With Textiles: Implications for Art Therapy // Art Therapy. 2011. Vol. 28. P. 104–112.

Об авторе:

ЗАБЕЛИНА Екатерина Николаевна – аспирантка, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31); e-mail: inrussianfield@mail.ru

The Concept of the «Traditional» in the Study of Craft Practices: The Evolution of Approaches in Russian Ethnography and Folk Studies (19th – Early 21st Century)

E.N. Zabelina

Tver State University, Tver, Russia

The article examines the evolution of conceptions of the «traditional» as applied to craft practices in Russian ethnography and folk studies. Drawing on pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet scholarship, it traces the transformation of the research perspective: from the recording of kустar' crafts as an economic phenomenon, through the concept of «survivals» and the systemic analysis of cultural adaptation, to the understanding of tradition as a mechanism of psychological and social resilience. The article analyzes the approaches of 19th century ethnographic describers, researchers working with zemstvo statistics, and Soviet ethnographers, as well as contemporary discussions on the revitalization of cultural heritage. Particular attention is given to the ways in which the criteria for identifying tradition (technological, social, and gender) changed in response to the socio-historical context.

Keywords: *tradition; craft practices; kустar' crafts; folk art crafts; historiography; ethnography; transmission; anthropology of craft.*

About author:

ZABELINA Ekaterina Nikolaevna – Postgraduate Student, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: inrussianfield@mail.ru

References

- Adon'eva S.B., *Rossijskaya nauka o narode: ot evolyucionizma k fenomenologii*, Tradicionnaya kul'tura. 2019. T. 20. № 4. S. 159–172.

- Akchurina-Muftieva N.M., *Preemstvennost' tradicij*, Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2016. № 2. S. 39–47.
- Balabanova T.G., *Rol' tvorcheskikh ob"edinenij v vozobnovlenii interesa k rukodeliyu v konce XIX – nachale XXI veka v Irkutskoj oblasti*, Vestnik IrGTU. 2013. № 5 (76). S. 230–235.
- Bernshtam T.A., «*Hitro-mudro rukodel'ice*», Zhenshchina i veshchestvennyj mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy: Sb. MAE. T. 47 / Otв. red. T.A. Bernshtam. SPb., 1999. S. 191–249.
- Golovanova E.I., *Chelovek i ego delo v russkom yazyke XIX veka (po dannym tolkovogo slovary V.I. Dal'a)*, Chelyabinskij gumanitarij. 2018. № 3 (44). S. 7–12.
- Lavrent'eva L.S., *Podhody k izucheniyu tradicij v sovremennoj etnografii*, Aspekty budushchego po etnograficheskim i fol'klornym materialam / Otв. red. T.B. Shchepanskaya. SPb., MAE RAN, 2012. S. 330–340.
- Lesovskaya M.I., *Tradicii remesla v sovremenном professional'nom obuchenii i stress-menedzhmente*, Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU. 2016. № 4. S. 278–291.
- Lur'e S.V., *Tradiciologiya E.S. Markaryana: otlichie ot zarubezhnyh teorij tradicii*, Kul'tura i obrazovanie. 2015. № 4 (19). S. 5–12.
- Markaryan E.S., *Uzlovye problemy kul'turnoj tradicii*, Sovetskaya etnografiya. 1981. № 2.
- Moskvina D.A., *Prikladnaya nauka v institute po izucheniyu narodov SSSR v Akademii nauk SSSR v 1930-e: proekt kolhoznoj etnografii*, Kunstkamera. 2021. № 1 (11). S. 75–87.
- Polani M., *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoj filosofii*. M., 1985.
- Sitdikova L.I., *Narodnye hudozhestvennye promysly kak vid art-terapii na primere tradicionnogo nyrtinskogo kruzhevopleteniya Respubliki Tatarstan*, Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2023. № 4. S. 95–101.
- Tihomirov S.A., *Professional'noe obrazovanie v sfere tradicionnogo prikladnogo iskusstva: dominanty razvitiya (ot srednevekov'ya do poslednej treti XIX veka)*, Tradicionnoe prikladnoe iskusstvo i obrazovanie. 2019. № 3 (29). S. 15–32.
- Tishkov V.A., *Rossijskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy*, Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89. № 4. S. 408–412.
- Hristenko A.V., *Antropologiya kustarnogo proizvodstva v svete muzejno-vystavochnoj praktiki dorevolucionnoj Rossii*, Zhivaya starina. 2019. № 3. S. 40–43.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.